

ЗИГМУНД ФРЕЙД
И СОВРЕМЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ
(к 160-летию классика психоанализа)

Гений мысли чаще всего парадоксален. Открывая новые горизонты всеобщей жизни, он нередко грешит смысловыми и теоретическими «перекосами». Таковы были Платон и Августин, Кант и Маркс, Соловьев и Бергсон. Таков был и Зигмунд Фрейд. Отсюда одна из задач последующих поколений – с максимальной добросовестностью, основательностью и беспристрастием отыскать то непреходящее, что несет в себе наследие гения, избавив это наследие как от погрешностей догматизма и субъективизма, так и от неконструктивного разоблачительства.

I.

Обоснованная в раннем творчестве Фрейда идея бессознательного неслла в себе тот «перекос», который обычно именуют пансексуализмом, т. е. стремлением свести всю полноту душевной жизни человека к подспудным сексуальным влечениям. Однако сама эта идея крайне важна, в том числе как стимул для исследований, поскольку так или иначе помогает вскрыть глубину взаимосвязи между разрушительными и творческими стихиями в человеческой душе, а через них – и в человеческом обществе и культуре. Не случайно вечный ученик и жесткий оппонент Фрейда – Карл Густав Юнг – вслед за Фрейдом усмотрел в бессознательном, накопленном тысячелетиями и веками, как источник внутренних вожделений и страхов человека, так и источник сквозной, пронизывающей всю историю творческой динамики.¹

В позднем творчестве Фрейда эта проблема взаимобратимости, амбивалентности с трудом скрывааемых человеческих эмоций и страстей уже выходит за рамки былого редуционизма, равно как и за рамки индивидуально-психологических исследований и чисто клинической практики. Волей-неволей, вследствие опыта Первой мировой войны и последующего размаха коллективистских тоталитарных движений (движений как собственно социалистических, так и национал-социалистических), ученый перемещается из области индивидуальной и клинической психологии в область психологии социальной и – шире – в область социальной философии. Позднего Фрейда занимает связь коллективной – «вождевающей» – любви к толпе из «своего» круга, этноса, класса, политического движения с ненавистью и страстью к подавлению тех, кто «не свой». «Чужим» оказывается субъект в классовом, расовом, религиозном, политическом и даже субкультурном отношениях.

Однако справедливости ради надо отметить, что сам Фрейд – вслед за Гюставом Ле Боном – ставит и вопрос о том, что возможны исключительные случаи, когда нравственный градус коллективных эмоций может и превысить соответственный градус входящих в коллектив индивидов, когда человеческое «либидо», переставая быть (по выражению Августина, «похотью господства»)

спонтанно преобразуется в бескорыстные и альтруистические порывы.² Кстати, на наблюдениях подобного рода строятся романы Льва Толстого и Василия Гроссмана, посвященные двум Отечественным войнам в России.

II.

Фрейдовские, часто возводимые им к Эмпедоклу и Ницше темы контраста воли к жизни и воли к смерти (к смерти чужой, но – косвенно – и собственной), контраста восхождения к смыслам (духовным, философским, художественным) и деградации, к отчуждению или стадности, контраста творческих импульсов и импульсов к разрушению, умерщвлению и смерти – все эти темы так или иначе варьируются в трудах целого ряда психологов, связанных с фрейдовским наследием. Среди исследователей этой плеяды можно было бы упомянуть таких не похожих друг на друга ученых, как Игорь Карузо, Виктор Франкль, Эрих Фромм, Эрик Эриксон и др. И – *last, but not least* – Карл Густав Юнг. Каждый из них на свой лад настаивает, что высокие и продуманные формы духовного и символического опыта – это как раз то самое, что преодолевает в нас атавистические или же патологически извращенные склонности к самоцентризму, насилию, беспамятству или садизму,³ как раз то самое, что Виктор Франкль именует «волею к смыслу».

Такие преобразования фрейдовского наследия имеют и актуальные социальные измерения. Так, согласно учению И. Карузо, саморазвитие человека связано с возрастанием, нарастанием и постоянным обновлением цепочек нашего символического опыта; динамика же этого, по существу внутриличностного, опыта связана с постоянными процессами преобразований, в том числе политической культуры и культуры возникновения и разрешения конфликтов.⁴

III.

Отмеченное непосредственно соотносится с проблематикой современных социальных напряженностей, трений и конфликтов, терроризма, с массовыми идеологическими неврозами, конфессиональной ненавистью, псевдокультурными истериями и иными извращениями и узурпациями естественной для человека «воли к смыслу».

В обстановке глобального социокультурного кризиса, глобальной адаптации общественной психологии и общественного сознания к беспрецедентно динамичной технологической и информационной среде, глобальной маргинализации и духовной люмпенизации огромных человеческих масс, – наблюдается разгул сил опустошения, деструкции и умерщвления в политике, искусстве, экосистеме и т. д.

Преодолеть по чьим-либо директивам или механически подавить эти силы – весьма затруднительно. Может быть, именно поэтому наследие агностика Зигмунда Фрейда так популярно среди многих верующих христиан. Фрейдовское наследие – вопреки всем рационалистическим и пессимистическим «перекосам» в мышлении австрийского ученого – помогает

понять внутреннюю многомерность, подвижность и вариативность «феномена человека». Вот почему для людей, – по крайней мере, живущего поколения – так важен многомерный внутренний опыт таких наших старших современников, как Борис Пастернак, митрополит Антоний Сурожский, папа Иоанн Павел II, формально «неверующий» Андрей Сахаров, протоиерей Александр Мень.

Борьба против сил невротической одержимости, ненависти и энтропии невозможна без интенсивной работы человека над культурой своих мыслей и чувств, своего общения с другими людьми. Невозможно сколько-нибудь осмысленное социальное действие без трудов воспитания и самовоспитания. Внутренняя работа человеческой экзистенции не является достаточным условием для нормализации положения в нынешнем мире, но это условие – необходимое. Во всяком случае, продолжающийся в социальности и культуре многосложный общечеловеческий филогенез органически связан с онтогенетическим опытом каждого из нас. В этом – один из важнейших уроков наследия Зигмунда Фрейда.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ См.: Юнг К.Г. Психологические типы. – М.: Госиздат, б.д. С. 61–62.

² Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я» / Пер. с нем. Я.М.Когана. – М.: Совр. проблемы, 1925. С. 21–22.

³ Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. – N.Y., etc.: Rinehart & Winston, 1973. P. 132–139.

⁴ Nowak A. Personalistyczna psychologia głębi Igora A. Caruso // Studia philosophiae christianae. W-wa. 1970. Rocznik 6. № 2. S. 234–235.